

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.111'42+81'38
ББК Ш141.12-51+Ш143.21=51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ксения Игоревна Кириллова

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, kirillovakseniya1999@gmail.com, SPIN-код: 4824-3274, <https://orcid.org/0000-0001-5302-504X>

Образ страны-оппонента сквозь призму артефактных метафор (на материале современных российских и американских массмедиа)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются артефактные метафоры, используемые в 140 публикациях российских и 100 публикациях американских массмедиа 2022–2025 гг. при характеристике страны-оппонента (соответственно США и РФ). Цель работы — выявить роль артефактных метафор в формировании идеологем «США» и «RUSSIA». Актуальность темы обусловлена одновременной устойчивостью и изменчивостью таких переносов во временном и дискурсивном аспектах. При исследовании использовалась комплексная лингвокогнитивная и социально-дискурсивная методика анализа материала. Было установлено, что российские и американские СМИ регулярно употребляют две модели метафоризации (механико-инструментальную и искусственно-имитационную) для формирования негативного образа страны-оппонента. «США» и «RUSSIA» позиционируются как активные субъекты международных отношений, склонные к неправому решению поставленных задач («США» — достижения абсолютной гегемонии в мире, «RUSSIA» — победы в специальной военной операции и экономического давления на другие государства). «RUSSIA» может также выступать в роли объекта экономического и политического воздействия со стороны «коллективного Запада». При характеристике внутренней политики «США» на первый план выходит негативная оценка межпартийных отношений, тогда как «RUSSIA» — отношений между руководством страны и ее остальными социальными институтами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, американские СМИ, политический дискурс, образ России, образ США, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, когнитивная лингвистика, артефактные метафоры, идеологемы, политическая идеология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кириллова Ксения Игоревна, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; email: kirillovakseniya1999@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кириллова, К. И. Образ страны-оппонента сквозь призму артефактных метафор (на материале современных российских и американских массмедиа) / К. И. Кириллова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 154-161.

Kseniya I. Kirillova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, kirillovakseniya1999@gmail.com, SPIN code: 4824-3274, <https://orcid.org/0000-0001-5302-504X>

The Image of an Opponent Country Through the Prism of Artifact Metaphors (Based on Contemporary Russian and American Mass Media)

ABSTRACT. The article analyzes artifact metaphors used in 140 publications of Russian and 100 publications of American mass media in 2022–2025 to characterize the opponent country (respectively, the United States and the Russian Federation). The aim of the work is to identify the role of artifact metaphors in the formation of the ideologemes “USA” and “RUSSIA”. The urgency of the study can be attributed to the simultaneous stability and changeability of such transfers in temporal and discursive aspects. The study uses complex *linguo-cognitive* and *socio-discursive* methods of text analysis. It has been found that Russian and American media regularly use two artifact models of metaphorization (mechanical-instrumental and artificial-imitative) to form the negative image of the opponent country. “USA” and “RUSSIA” are portrayed as active subjects of international relations, prone to the arbitrary solution of the problem set (“USA” — to achieve absolute hegemony in the world, “RUSSIA” — to win the special military operation and exercise economic pressure on other states). “RUSSIA” can also act as an object of economic and political manipulation on the part of the “collective West”. When characterizing the domestic policy of “USA”, the negative assessment of inter-party relations comes to the fore. When describing the domestic policy of “RUSSIA”, the focus is on the relations between the country’s leadership and other social institutions.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian media, American media, political discourse, image of Russia, image of the USA, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, linguistic units, cognitive linguistics, artifact metaphors, ideologemes, political ideology.

AUTHOR’S INFORMATION: Kirillova Kseniya Igorevna, Post-Graduate Student, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

FOR CITATION: Kirillova K. I. (2025). The Image of an Opponent Country Through the Prism of Artifact Metaphors (Based on Contemporary Russian and American Mass Media). In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 154–161. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Объектом данной статьи стали концептуальные метафоры на базе членов семантического поля «Артефакты» (далее СПА), характеризующие страну-оппонента: в современных российских общественно-политических массмедиа — США, в американских — РФ.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, изучение политической коммуникации (в том числе массмейдийного политического дискурса) — одно из самых востребованных направлений при анализе концептуально-функционального аспекта языка [Романова 2019; Chomsky 2004; Lakoff 2012]. Это обусловлено ее сложной организацией, многофункциональностью, когнитивной насыщенностью [Карасик 2000; Спириновский 2024; Чудинов 2012; Fairclough 2003]. Во-вторых, метафоры (в широком их понимании [Арутюнова 1990; Балашова 2014; Гак 1998]) играют заметную роль в формировании политической (идеологической) картины мира, то есть в категоризации и оценке политической действительности с позиции субъекта речи, в логико-эмоциональном воздействии на адресата [Балашова 2017; Будаев 2020; Велентеенко, Рязанцева 2024; Зарипов 2024; Чудинов 2013; Charteris-Black 2017]. В-третьих, СПА — один из устойчивых источников метафор, но в разные периоды и в разных типах дискурса использование этого ресурса имеет специфические свойства [Балашова 2014; 2021; Велентеенко, Нахимова 2024; Цолоева 2021; Чудинов 2003; Ferrin, Snidaro, Foresti 2015].

Цель исследования — выявить роль концептуальных артефактных метафор в формировании политических образов (идеологем) стран-оппонентов («США» и «RUSSIA») в российском и американском массмейдийном политическом дискурсе в период резкого обострения отношений между РФ и США. Материал для анализа — 140 российских и 100 аме-

риканских публикаций в электронных вариантах печатных и цифровых общественно-политических массмедиа в период с 22.02.2022 по 31.01.2025¹. В ходе анализа использовались современные когнитивно-семантические и когнитивно-дискурсивные методики анализа текстового материала.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Общая характеристика номинаций артефактов как источника метафоризации

Как показал анализ русскоязычного и англоязычного корпусов, число метафор на базе членов СПА, а также их употреблений при характеристике страны-оппонента, достаточно велико и разнообразно; например:

- «Машины, механизмы, инструменты, приспособления» (ср.: машина, инструмент, рычаг, громоотвод; *machine, tool, lever, age, robot*);
- «Транспорт» (ср.: каток, узда; *train, steam-rolling, rail*);
- «Милитарные артефакты» (ср.: оружие, бомба; *weapon, bomb*);
- «Строения» (ср.: крепость, фундамент, дверь; *building, door, basis*);
- «Артефакты для творчества, спорта, досуга» (ср.: марионетка, козырь, игрушка; *puppet, portray, pawn, food*);
- «Личностно-бытовые артефакты» (утварь, белье, продукты и т. п.) (корыто, лоскутное одеяло, фастфуд; *meat grinder, mouthpiece* ‘трубка телефона, микрофон’, *cake*).

Как и в русском и английском языках, в российских и американских массмедиа переносы на базе членов СПА активно включаются в формирование различного рода концептуальных моделей. В некоторых из них собственно артефактные метафоры занимают периферийное положение, например: «Пространственная модель целенаправленной деятельности» (ср.: США во внутренней политике загнали себя в *тупик*).

¹ Российские СМИ: «Аргументы и факты» — <https://aif.ru/> (далее АиФ); «Ведомости» — <https://www.vedomosti.ru/> (Вед.); «Взгляд» — <https://vz.ru/> (Взг.); «Газета.ru» — <https://www.gazeta.ru/> (Г.ру); ИА «Sm. News.» — <https://sm.news/> (Sm.); «Известия» — <https://iz.ru/> (Изв.); «Коммерсант» — <https://www.kommersant.ru/> (Б); «Комсомольская правда» — <https://www.kp.ru/> (КП); «Московский комсомолец» — <https://www.mk.ru/> (МК); «Правда» — <https://gazeta-pravda.ru/> (Пр.); РБК. Новости — <https://www.rbc.ru/> (РБК); «Российская газета» — <https://rg.ru/> (РГ); «Царьград» — <https://tsargrad.tv/> (Цр.); американские СМИ: «Axios» — <https://wwwaxios.com/> (Ax.); «Bloomberg» — <https://www.bloomberg.com> (БВ); «Jacobine» — <https://jacobin.com/> (Jac.); «Newsweek» — <https://www.newsweek.com/> (NW); «New York Post» — <https://nypost.com> (NYP); «The New York Times» — <https://www.nytimes.com/> (TNYT); «The Washington Post» — <https://www.washingtonpost.com/> (WP); «USA Today» — <https://www.usatoday.com/> (USAT); «U.S. News & World Report» — <https://www.usnews.com/> (USN).

РГ. 20.07.23¹; “*We block any **escape hatch** Putin has in getting around the full weight of our sanctions,*” — said Hassan. Ax. 08.03.22); «Азартно-игровая социальная модель» (ср.: У Вашингтона остался во внешней политике последний **козырь** — язык угроз. Изв. 05.02.23; *Putin's effort to re-engineer Russia is a desperate ... throw of the dice, disconnected from reality.* WP. 06.05.24). Вместе с тем в исследованных корпусах фиксируются две собственно артефактные метафорические модели — механико-инструментальная и искусственно-имитационная. В основе обеих лежит концептуально значимое переосмысление ядерного для СПА признака ‘то, что создано / используется человеком’. Общим, как правило, оказывается и принцип метафорической трансформации на основе функционального подобия.

2. Механико-инструментальная модель метафоризации

Согласно нашему анализу, механико-инструментальная модель является ведущей при характеристике страны-оппонента (российские СМИ — 31 единица в 60 контекстах; американские СМИ — 25 единиц в 83 контекстах). В ее реализацию вовлекаются прежде всего члены семантической группы (далее СГ) «Машины, механизмы, инструменты, приспособления», но также используются единицы из других СГ.

Когнитивным центром модели становятся два базовых представления общеязыкового характера. Во-первых, устройство, совершающее какую-л. полезную работу путем преобразования одного вида энергии в другой, ассоциируется с различными социальными институтами страны-оппонента (ср.: Конфликт на Украине крайне выгоден американской военной **машине**. АиФ. 12.02.24; *The United States remains committed ... to imposing sanctions and other restrictions on Russia's war **machine**.* BB. 21.11.24). Во-вторых, инструментарий, функциональные блоки механизма и т. п. коррелируются с теми способами, которые используются странами-оппонентами или иные социальными институтами для достижения своих целей (ср.: *США рассматривают данное соглашение как инструмент* контроля ... над состоянием российского ядерного арсенала. Изв. 12.12. 22; *For Putin ... the concept of fake news has proven a potent **tool** for just that.* WP. 11.03.22). В соответствии с этим в российских и американских СМИ фиксируется два варианта модели — механистический и инструментальный.

В **механистическом** варианте (российские СМИ — 12 единиц в 19 контекстах; американские СМИ — 6 единиц в 27 контекстах) акцент делается на том, что государство-оппонент, его социальные и иные институты воспринимаются как самостоятельный действующий механический агрегат — с четкими функциями, структурой и т. п. Для реализации этого образа российские и американские СМИ используют однотипные обобщенные именования агрегатов и процесса их функционирования (ср.: *машина, аппарат, работать; machine, apparatus, system*). Подобные номинации в массмедиа РФ и США сами по себе не являются аксиологическими, однако оценка, обычно негативная, страны-оппонента и его институтов может осуществляться за счет эпитетов, общего контекста и т. п. (ср.: Американские СМИ являются пропагандистской **машиной** Демократической партии США. Изв. 21.09.24; *Бюрократический аппарат, тот самый deep state, при любом хаосе в политике будет тащить США в указанном до наступления хаоса направлении.* Sm. 31.07.24; *His central claim ... — a claim that echoes the most persistent theme of Russia's propaganda **machine**.* NYP. 09.05.24; *And what of Putin's suppression **machine**? ... Putin [was] relying ... on a swollen, well-fed security **apparatus**.* BB. 15.09.22).

Оценка (практически всегда пейоративная) осуществляется за счет указания на качественные характеристики, особенности и этапы функционирования агрегата — социального института. Американские СМИ используют лишь две единицы (*stalled, botched*), с помощью которых акцент делается на относительной недееспособности Вооруженных сил РФ в противостоянии Украине (ср.: *Despite some slow progress by Russian troops in the northern Donbas area, everything else is stalled.* NW. 13.05.22; *[Putin] directed a botched effort to take Donbas.* NW. 24.08.22). В российских СМИ представлено большее число единиц, которые именуют как позитивные, так и негативные характеристики функционирования агрегата (ср.: *на полную мощность, раскручиваться* (в исходном ЛСВ — о работе генератора, турбины и т. п.), *без сбоев, в инерционном режиме, со скрипом* (исходный ЛСВ ‘очень медленно (о движении колеса и т. п.)’, *подвиснуть* (исходный ЛСВ ‘прекратить функционирование (о компьютере)'). Метафоризация лексем с дисфункциональным компонентом аналогична соответ-

¹ Поскольку объектом исследования стали общие представления о концептуальном использовании артефактных метафор, то для сокращения объема текста при цитировании указывается только издание и день выхода публикации.

ствующим английским единицам, но сфера приложения русских переносов шире (ср.: *Политическая составляющая жизни Америки весьма хаотизирована, и в этом смысле, «подависла»*. ... Но американский бюрократический аппарат при отсутствии политической составляющей работает исключительно в *инерционном режиме*. Sm. 31.07.24; Брандту [США] давали все же кое-какие вещи делать, хотя и *со скрипом*. КП. 04.01.23). Вместе с тем негативная оценка содержится и в контекстах с единицами, именующими бесперебойную, с полной нагрузкой работу агрегата: в данном случае речь обычно идет либо об активизации враждебных по отношению к РФ и другим государствам действий США либо о кратковременных успехах в деятельности США и их отдельных институтов (ср.: *Глобальное доминирование США работало без сбоев*. Изв. 20.06.22; Экономика США до сих пор *работает на полную мощность*, но маловероятно, что это продлится долго. Вед. 29.04.24).

Наконец, небольшим числом единиц в обоих исследованных корпусах представлена метафоризация номинаций вмешательства человека в функционирование агрегата. Американские СМИ с помощью одного такого переноса (*cripple* 'портить, выводить из строя') делают акцент на военных успехах киевского режима, причем источником сообщения о выведении из строя военной машины РФ является сам Киев (ср.: *Ukraine carried out "massive" drone strikes on several regions of Russia overnight, local officials there said on Tuesday, in what appeared to be one of the largest recent assaults in Kyiv's campaign to cripple Russia's war machine on its home turf*. TNYT. 14.01.24). Российские СМИ используют эту часть когнитивной матрицы (ср.: *перезагрузка*, *перезапускать*, *подмазать*) для характеристики действий правящей элиты США и их институтов по преодолению кризисных явлений в социально-экономической ситуации в стране и мире (ср.: *Это не только поддерживает экономику, но и фактически ее перезапускает*. АиФ. 12.02.24; *Из Вашингтона ... он [индийский премьер] увезет несколько «жирных» контрактов...*, *которыми Вашингтон пытается «подмазать» Нью-Дели в первую очередь*. Взг. 22.06. 23).

В более востребованном **инструментальном** варианте модели (российские СМИ — 19 единиц в 41 контексте; американские СМИ — 19 единиц в 56 контекстах) акцент делается на целеполагании: человек использует некий механизм с определенной целью. В соответствии с этим действия социальных институтов и их представителей,

а также социально-экономические, политические факторы ассоциируются со способами воздействия на страны, их руководство и т. п. Реализация данного варианта в российских и американских массмедиа имеет общие и специфические черты.

Общими источниками метафоризации становится несколько СГ, часть из которых представляет собой собственно артефактную лексику, а часть именует процессы, связанные с использованием артефактов. При этом семантика первичных русских и английских ЛСВ может быть как однотипной, так и различной:

- «Обобщенные наименования инструментария, принципов и результатов их применения»: российские СМИ — 4 единицы (*инструмент*, *орудие*, *механизм*, *сработать*) в 12 контекстах; американские СМИ — 3 единицы (*tool*, *mechanism*, *instrument*) в 12 контекстах;

- «Наименования орудий, сооружений, средств для нападения или защиты»: российские СМИ — 6 единиц (*оружие*, *бомба*, *запал*, *таран*, *арсенал*, *полигон*, *громоотвод*, *убежище*) в 14 контекстах; американские СМИ — 5 единиц (*weapon*, *trigger* (n), *time bomb*, *arsenal*, *armament*, *fortress*, *testing ground*) в 13 контекстах;

- «Наименования других конкретизированных по функции механизмов, их частей и средств»: российские СМИ — 6 единиц (*рычаг*, *маховик*, *ограничитель*, *переключатель*, *реостат*, *рупор*) в 10 контекстах; американские СМИ — 5 единиц (*leverage*, *screw*, *mouthpiece*, *golden keys*, *steamrolling*) в 9 контекстах;

- «Номинация действий человека в ситуации использования артефакта»: российские СМИ — 3 единицы (*врубить* (переключатель), *переключить*, *заложить* (бомбу)) в 5 контекстах; американские СМИ — 6 единиц (*exploit* (v), *manipulate* (v), *fuel* (v), *trigger* (v), *spark* (v), *clampdown*, *steamrolling*) в 22 контекстах.

При метафоризации данные единицы сохраняют (хотя и в трансформированном виде) свои функциональные признаки (ср.: *инструмент* / *tool* 'орудие для производства каких-л. работ' → 'орудие, средство, применяемое для достижения чего-л.'; *оружие* / *weapon* 'орудие для нападения или защиты' → 'средство, способ для достижения, осуществления чего-л.'; *рупор* / *mouthpiece* 'труба конической формы, служащая для концентрации энергии звуковых колебаний в определенном направлении с целью усиления звука' → 'выразитель, распространитель чьих-л. идей, взглядов').

Употребление членов этого варианта модели достаточно системно и идеологически мотивировано.

В российских массмедиа наиболее типичной оказывается ситуация, в которой «США» является пользователем / владельцем различного рода инструментария и активно применяет его с целью достичь геополитического доминирования по отношению к своим противникам, союзникам и нейтральным странам. Орудием же воздействия становятся экономические, политические и военные ресурсы страны, а также другие государства, конфликтующие с оппонентами / противниками Штатов: Украина против России, Индия против КНР и т. п. (ср.: *США, НАТО и их союзники [используют] братский народ Украины в качестве орудия в своих злонамеренных планах сохранения глобального господства*. Пр. 04.08.22; *Власти страны [США] используют валюту в качестве экономического оружия против своих геополитических противников*. Изв. 01.04.22; *При провале Киева Вашингтон получит еще один рычаг для разорения стран Евросоюза*. КП. 21.04.23; *Доллар и вовсе используется как инструмент шантажа [независимых государств]*. Изв. 01.04.22; *Индию ... захотели использовать как таран, который проломит брешь в Великой Китайской стене*. Изв. 27.04.24). Аналогичные процессы наблюдаются при характеристике внутриполитической борьбы демократического правительства с республиканской оппозицией, хотя число таких употреблений моделей невелико (ср.: *Американский истеблишмент хочет лишь отвести внимание от внутренних неразрешимых проблем. ... И потому единственным «громоотводом» остаётся война против Ирана, особенно учитывая параллельные интересы Израиля*. Цр. 14.01.24; *Демократы во главе с Джо Байденом ... [пытаются] продемонстрировать своим гражданам, что Вашингтон остается «рупором свободного мира*. Изв. 16.06.23; *Вопрос в том, может ли хоть какое-то обвинение сработать против Трампа*. Цр. 14.01.24; *Это и есть та самая юридическая бомба, которая закладывается демократами под Трампа*. РГ. 20.07.23).

В американских массмедиа «RUSSIA» также позиционируется преимущественно как активно действующий пользователь инструментария, но акцент делается на иных составляющих внешней и внутренней деятельности России. В отношениях с другими государствами «RUSSIA» предстает в образе шантажиста-агрессора, который применяет свой экономический экспортный потенциал (энергоносители, сельхозпродукцию и т. п.) в качестве орудия воздействия на другие страны, угрожая тем самым их суверенитету

и стабильности во всем мире (ср.: *Russia is still selling hundreds of millions of dollars in LNG cargos, mostly to the same nations that have imposed sanctions against Moscow. It's a powerful weapon in its arsenal of energy armament*. BB. 13.10.22; *Moscow's machinations fuel a feeling of growing instability worldwide. ... While Europe invests in good governance and infrastructure in Moldova, Russia has invested only in propaganda and agents of influence, fueling corruption, division and instability*. TNYT. 29.03.24). Указанные единицы употребляются также для негативной оценки недостоверной, с точки зрения критиков РФ, информации, распространяемой «RUSSIA» для поддержания своего имиджа и воздействия на мировое сообщество и собственный электорат (ср.: *For Putin ... the concept of fake news has proven a potent tool for just that*. WP. 11.03.22; *The goal is to manipulate the Global South, whose support Moscow so desperately needs. ... Putin hosted a second Russia-Africa Summit, and his foreign minister toured Latin America — in both cases exploiting the history of colonialism to paint the West as nefarious*. NYP. 16.10.23). При характеристике внутренней политики создается негативный образ прежде всего властных структур РФ, оказывающих давление на электорат и несистемную оппозицию. В роли орудия используются законы, средства информации, правоохранительные органы (ср.: *Known as article 20.3.3, the law has become the most widely used tool in Russia's wartime crackdown*. TNYT. 29.12.23; *This war has thus become a testing ground for the Kremlin in creating new tools of population management*. Jac. 23.04.23; *His media mouthpieces Vladimir Solovyov and Margarita Simonyan no longer own the narrative*. BB. 15.09.22; *Putin's using the war and hatred as the instrument to brainwash the Russian people*. WP. 06.05.24; *In Moscow, the conflict is also viewed in existential terms, largely due to the Kremlin's clampdown on the spread of unofficial information*. NW. 22.05.22).

В американских массмедиа, в отличие от российских СМИ, страна-оппонент может выступать в роли не только субъекта, но и объекта воздействия. С одной стороны, это действия коллективного Запада по сдерживанию РФ, с другой — это внутренние экономические и политические проблемы, которые становятся причиной кризисных явлений в стране, несмотря на возможную активность властных структур, использующих «средства защиты» (ср.: *The United States ... has deployed many economic weapons against Russia*. WP. 24.03.22; *Putin "sits on a ticking financial time bomb of his own making"*.

NW. 13.01.25; *The decision was indicative of ... a lack of feedback mechanisms, and above all a growing insulation of those at the top from reality.* Jac. 12.08.22; *The flight of western companies poses tough problems for Russia.., despite the Kremlin's "fortress economy" strategy.* NW. 03.08.22). Кроме того, фиксируются единичные случаи позитивной оценки развития РФ и ее отношений с коллективным Западом, но такого рода контексты либо включены в конструкции с ирреальной модальностью, либо являются цитатами из речи российских политических деятелей (ср.: *Instead of giving Putin the golden keys to the Ukrainian kingdom, Trump issued an ultimatum to the Kremlin.* NYP. 24.01.25; [А. Проханов:] *The war in Ukraine has fueled a new "Russian avant-garde.*" TNYT. 13.05.24).

3. Искусственно-имитационная модель метафоризации

Искусственно-имитационная метафорическая модель занимает в обоих исследованных корпусах в статистическом аспекте периферийное положение: российские СМИ — 9 единиц в 22 контекстах, американские СМИ — 8 единиц в 14 контекстах. Ее концептуальным центром становится противопоставление объектов, созданных человеком, объектам естественным (неодушевленным и одушевленным). Это когнитивное представление реализуется в двух вариантах: в **пассивном** искусственность интерпретируется как пассивность, безволие, бездушие; в **имитационном** — как внешнее подобие, не отражающее реальности, сущности чего-либо, или как намеренное искажение действительности, скрываемое за подобием.

В ситуативном аспекте в **пассивном** варианте акцент делается на политической несамостоятельности государства / международного института, их руководства, на их безвольном подчинении другим политическим силам. В соответствии с этим пассивная сторона в обоих исследуемых корпусах ассоциируется с артефактами, внешне схожими с людьми, которые управляются живыми людьми: российские СМИ — 4 единицы в 14 контекстах (*марионетка, марионеточный, кукловод, кукловодить*); американские СМИ — 3 единицы в 6 контекстах (*puppet (n), puppet (ad), robot*). Американские мас-медиа используют также номинации других артефактов, а также процесса их изготовления / применения, где на первый план выходит признак 'созданный с определенной целью / используемый с определенной целью' — 2 единицы в 4 контекстах (*rubber-stamp, mold*).

В российских СМИ наиболее последовательно таким образом оцениваются домини-

рующие отношения «США» с другими государствами (прежде всего — с киевским режимом) и международными институтами (ср.: *В составе этой по сути марионеточной организации 37 государств — союзниц США.* Изв. 05.05.24; *Раскрыты замыслы кукловодов: США выиграют от попытки наступления Украины при любом исходе.* КП. 21.04.23; *Мадуро сравнил Зеленского с Гуайдо и предрек ему схожую судьбу марионетки США.* Изв. 12.12.23). Единичным примером представлено мнение сторонников Д. Трампа об отношениях внутри Демократической партии (ср.: *Илон Маск назвал Камалу Харрис корпоративной марионеткой.* МК. 24.07.24). В американских СМИ подобным образом также характеризуются отношения между страной-оппонентом и киевским режимом, но только тем, что «RUSSIA» «навязывает» Украине в случае победы (ср.: *Putin ... planned to topple Ukraine's democratically elected government, install a Kremlin puppet regime.* TNYT. 14.01.25). Внутри «RUSSIA» таким образом позиционируется доминирование руководства над другими социальными институтами (ср.: *They need an obedient new generation — indoctrinated robots in an ideological sense — supporting Putin. ... Putin's effort to mold a new national identity is as profound as the Russian October Revolution.* WP. 06.05.24; *Putin has steadily destroyed democratic institutions, leaving the media, courts, a rubber-stamp parliament and a tame electoral commission under rigid state control.* WP. 14.03.24).

При реализации **имитационного** варианта модели источником метафоризации в обоих исследуемых корпусах является артефактная лексика тематических блоков «Искусство» и «Производство»: российские СМИ — 5 единиц (бутафория, декорация, фабриковать, сфабрикованный, фальшивый) в 8 контекстах; американские СМИ — 3 единицы (*manufacturing, engineering, fake*) в 4 контекстах. Данные переносы употребляются с целью обвинить страну-оппонента, ее политические силы в неискренности, предоставлении мировому сообществу и собственному избирателю недостоверной, ложной информации и т. п. (ср.: *Причиной вмешательства США и НАТО в балканские войны 1990-х годов также послужили сфабрикованные обвинения. ... В 95-м году [НАТО во главе с США] решили даже не менять декораций: трагедия произошла на том же рынке, боснийских сербов вновь провозгласили ответственными за взрыв.* Изв. 16.05.22; *Возможное обвинение Дональда Трампа из-за секретных бумаг является фальшивым.* АиФ. 09.06.23; *Putin also wants to ...*

generally distract the West by manufacturing tensions — especially between Serbia and Kosovo. BB. 04.10.22; Such demographic engineering offers a scary vision of the future envisaged by Putin. Jac. 23.04.23).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что российские и американские массмедиа достаточно активно и системно используют артефактные переносы для формирования негативного образа страны-оппонента («США» и «RUSSIA»). Наиболее концептуально оформленными оказываются две метафорические модели (механико-инструментальная и искусственно-имитационная), ядром которых становится функциональное подобие.

Единство когнитивных матриц моделей обуславливает относительное единство источников метафоризации, а также формируемых с их помощью идеологем страны-оппонента. «США» и «RUSSIA» в российских и американских СМИ позиционируются как активные субъекты международных отношений, склонные к неправому решению поставленных задач (цель «США» — абсолютная гегемония в мире, «RUSSIA» — победа в специальной военной операции и экономическое давление на западные и другие страны). «RUSSIA» может также выступать в роли объекта экономического и политического воздействия со стороны «коллективного Запада». При характеристике внутренней политики «США» на первый план выходит негативная оценка межпартийных отношений, тогда как «RUSSIA» — отношений между руководством страны и ее остальными социальными институтами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 296–297.
2. Балашова, Л. В. Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ презентации образа России в условиях первой волны пандемии КОВИД-19 / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 12–24.
3. Балашова, Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медиийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова. — Текст : электронный // *Quaestio Rossica*. — 2017. — Т. 5, № 4. — С. 1178–1196. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56025/1/qr_4_2017_17.pdf.
4. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.
5. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Наукомкие технологии, 2020. — 464 с. — Текст : непосредственный.
6. Велентеенко, М. В. Артефактная метафора в британском и американском медиадискурсе / М. В. Велентеенко, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. — 2024. — № 1. — С. 13–19.
7. Велентеенко, М. В. Метафоры «Природы» на примере российского медиадискурса / М. В. Велентеенко, Т. Ю. Рязанцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1. — С. 42–49.
8. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 768 с. — Текст : непосредственный.
9. Зарипов, Р. И. Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4. — С. 175–183.
10. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5–20.
11. Романова, Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности / Т. В. Романова. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. — 120 с. — Текст : непосредственный.
12. Чудинов, А. П. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг. / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3. — С. 42–48.
13. Спиридовский, О. В. Использование стратегий конфликтно обусловленной коммуникации в целях сохранения президентской власти в США / О. В. Спиридовский. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1. — С. 85–90.
14. Цолоева, С. Б. Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: артефактная метафорическая модель / С. Б. Цолоева. — Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2021. — Вып. 7, № 1. — С. 183–191.
15. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59.
16. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 176 с. — URL: <https://discourseworld.ru/upload/iblock/695/695a676405960412f3384bdcc6812d0c.pdf>. — Текст : электронный.
17. Charteris-Black, J. Competition Metaphors & Ideology: Life as a Race / J. Charteris-Black. — Text : unmediated // The Routledge Handbook of Language and Politics. — 2017. — P. 202–217.
18. Chomsky, N. Language and politics / N. Chomsky. — Oakland, CA : AK Press, 2004. — 800 p. — Text : unmediated.
19. Fairclough, N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — 270 p. — Text : unmediated.
20. Ferrin, G. Artifact “Metaphors”: Gaining capability using “Wrong” tools / G. Ferrin, L. Snidaro, G. L. Foresti. — Text : unmediated // Fusion. — 2015. — P. 1176–1181.
21. Lakoff, G. Metaphor and war: the metaphor system used to justify war in the gulf / G. Lakoff. — Text : unmediated // Cognitive Semiotics. — 2012. — № IV (2). — P. 5–19.

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1990). Metafora [Metaphor]. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (pp. 296–297). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
2. Balashova, L. (2021). Artifact Metaphor in V. V. Putin's Speech as a Way to Represent the Image of Russia During the First Wave of the COVID-19 Pandemic. *Political Linguistics*, 2, 12–24. (In Russ.)
3. Balashova, L. (2017). The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion). *Quaestio Rossica*, 5(4), 1178–1196. (In Russ.) Retrieved from https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56025/1/qr_4_2017_17.pdf (In Russ.)
4. Balashova, L.V. (2014). *Russkaja metaforicheskaja sistema v razvitiu: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow: LRC Publishing House, 632 p. (In Russ.)

5. Budaev, E.V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. Sankt-Peterburg: Naukoemkie tekhnologii, 464 p. Retrieved from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43136020_77893807.pdf (In Russ.)

6. Velenteenko, M.V. & Nakhimova, E.A. (2024). The Artifact Metaphor in the British and American Mediadiscourse. *Aktualnye Problemy Germanistiki, Romanistiki I Rusistiki* [Current Issues in Germanic, Romance and Russian Languages Studies], 1, 13–19. (In Russ.)

7. Velenteenko, M.V., & Ryazantseva, T.Y. (2024). Metaphors of NATURE on the Example of the Russian Media Discourse. *Political Linguistics*, 1, 42–49.

8. Gak, V.G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 768 p. (In Russ.)

9. Zaripov, R.I. (2024). Cognitive and Metaphorical Modeling in Media Discourse. *Political Linguistics*, 4, 175–183. (In Russ.)

10. Karasik, V.I. (2000). O tipah diskursa [On the types of discourse]. In *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse] (pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russ.)

11. Romanova, T.V. (2019). *Ideologemy i aksiologemy russkogo iazykovogo soznanija kak otrazhenie konstant i dinamiki natsional'noj mental'nosti : monografia* [Ideologemes and axiologemes of Russian linguistic consciousness as a reflection of the constant and dynamics of national mentality: Monograph]. Nizhnij Novgorod: DEKOM, 120 p. (In Russ.)

12. Chudinov, A.P., & Segal, N.A. (2024). The Metaphorical Image of Russia on the Ukrainian Telegram Channels of 2022–2024. *Political Linguistics*, 3, 42–48. (In Russ.)

13. Spiridovskiy, O.V. (2024). Strategies of Conflict Communication Employed by American Presidents for Retention of Power. *Political Linguistics*, 1, 85–90. (In Russ.)

14. Tsoloeva, S.B. (2021). Metaforicheskie modeli, verbalizuemye v angloyazychnom professional'nom reklamnom diskurse: artefaktnaya metaforicheskaya model' [Metaphorical models verbalized in Englishlanguage professional advertising discourse: artifact metaphorical model]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7(1), 183–191. (In Russ.)

15. Chudinov, A.P. (2012). Discursive Characteristics of Political Communication. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. Retrieved from <https://politlinguistika.ru/images/2-2012/8.pdf> (In Russ.)

16. Chudinov, A.P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, 176 p. Retrieved from <https://discourse.world.ru/upload/iblock/695/695a676405960412f3384bdcc6812d0c.pdf> (In Russ.)

17. Charteris-Black, J. (2017). Competition Metaphors & Ideology: Life as a Race. *The Routledge Handbook of Language and Politics*, pp. 202–217.

18. Chomsky, N. (2004). *Language and politics*. Oakland, CA: AK Press, 800 p.

19. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 270 p.

20. Ferrin, G., Snidaro, L. & Foresti, G.L. (2015) Artifact “Metaphors”: Gaining capability using “Wrong” tools. *Fusion*, 1176–1181.

21. Lakoff, G. (2012). Metaphor and war: the metaphor system used to justify war in the. *Cognitive Semiotics*, IV(2), 5—19.